

КОММУНА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ВОРОНЕЖСКОГО ОБКОМА ВКП(б),
ОБЛИСПОЛКОМА, ОБЛПРОФСОВЕТА
и ГОРКОМА ВКП(б)

1933 г.

ФЕВРАЛЬ

10

Воскресенье

№ 3180

г.р. ВОРОНЕЖ

„Вишневый сад“

НОВАЯ ПОСТАНОВКА БОЛЬШОГО СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

«Вишневый сад» — пьеса об умирающем дворянстве — феодализме. О неоправданной гибели помещичьих гнезд, разрушаемых растущим капитализмом.

Эта пьеса — о людях, общественно вырождающихся и личностно, о людях без будущего и перспектив, о людях, не знающих, зачем вообще жить и что вообще делать на земле.

Это, наконец, пьеса, замечающая (правда, очень неохотно, с трудом) новую прогрессивную, по мысли автора, силу, приходящую на смену феодализму, крепостничеству и капитализму.

Плachtet ли Чехов над развалинами старого мира? Конечно, нет. Мы храним опаску его общественные идеалы (спрошенный капитализм). Тем более он инстинктивно не симпатизирует своим героям. Кто заведомо читает писателя в любви к Гасву, обращающемуся с дурацкой речью к шкафу?

Но Чехов и не шутит. Он не надеется на персонажи «Вишневого сада» и не ходит над ними. Чехов — реалист и показывает своих героев, как они есть: с их степенными, чашечными, идеальными. Поэтому люди «Вишневого сада» субъективно переживают трагедию и претендуют на сочувствие. Объективно же они жалки, ничтожны, даже пошлы и могут вызвать разве только чувство брезгливости.

Пьеса не является постою комедией в строгом смысле слова. Впервые первоначальному желанию самого автора, из «Вишневого сада» получилась драма, но с определенно выраженным сатирическим звучанием.

Драмой и подается пьеса вот уже 20 лет на сцене Московского художественного театра. Это не мешало «Вишневому саду» быть живым и в основном оптимистическим спектаклем в 1904 году. Не терит ли своего звучания и сейчас. Советский зритель, конечно, не лезт слезы на разоренным помещичьим гнездом, сколько бы ни называли спектакль «тяжелой драмой» иные критики. Он очень хорошо различает паразитизм Гасва и Раневской, видит насквозь и «прогрессивного» Лопухина.

Воронежский театр, выбрав «Вишневый сад» для юбилейного спектакля, фенил, однако, что советский зритель вообще не сможет отличить черного от белого, если ему не ткнуть пальцем. Пьесу пробуют подать как веселую комедию.

Но подобную попытку недавно уже делал московский театр Симонава. Окончилась она, по общему признанию прессы, зной неудачей. То же получилось и в Воронеже. Чеховский театр не позволил превратить «Вишневый сад» в комедию. Она определенно не вышла. Но экспериментаторство режиссера Шебуева, ничто не дна, испортило в то же время

драму. Искусственное «окомичивание» персонажей придало пьесе совсем не чеховский шик, приторный прикус.

Особенно это сказалось на образе Лопухина. Действительный, расчетливый и предприимчивый человек в пьесе — единственный человек, который знает, что он делает, видит цели и уверенно к ним стремится. Понятно, это герой не нашего романа. Лопухина для трудностей были не много, если не более, злобным врагом, чем Раневские. Но как могущественный «вишневый сад» на известном этапе они являлись прогрессивную роль.

На сцене Большого театра Лопухина тем не менее уверенно опираются сделать комическим типом, хотя еще более уверенно этому способствует текст. Лопухин по-прежнему хохочет, чашечко размахивает руками, в третьем действии истонно орет. Артист Г. М. Васильев, прекрасно зарекомендовавший себя в предыдущих постановках («Война», «Смерть Иоанна Грозного»), в этой роли не обнаружил своих способностей. Очевидно, в этом нужно винить не его.

Совершенно неоправданно стремление театра сделать положительного героя из Трофимова. По пьесе — это фразер и пустозвон. Чашечек ли к чему из спесивый, кроме надутого философствования. Типичный чеховский интеллигент, с «горячими» срывами на словах, но совершенно безмощный на деле.

Театр искусственно обходит чашечку характеристики «облачно-барина». Зато его пробуют искусственно превратить в революционера, подставляя фразу «я был в ссылке».

Однако Н. Е. Озеров водит роль фактически в разрез с замыслом режиссера Шебуева. Трофимов остался «недотопой», хотя Озеров из всех сил старался создать образ «честно и пылко мыслящего революционера». Неожиданно получил тот самый «сучий студент», которого рисовал Чехов.

Теперь об исполнителях. Маленько заслуживает упреков итра Шебуева (Гасва) и Данилевской (Раневская), но и на ней в внимательной степени сказались общие режиссерские ошибки. Там, где жаждала оказалась истинной некоторыми частями нарочитой историчности, а Гасва выгладит гораздо больше «чужаком», чем он выведен в пьесе.

Крайне неудачно проведены роли Яши и Дуныши. В. К. Карманов «читал псалтырь», а М. И. Шишлова то и дело сбивалась на тон комических старух из оперетты. «Переселенка» роль Вари В. В. Юратова.

Чересчур шаржированным выгладит на сцене Елихидов. Вряд ли такому человеку доверял бы именитый трезвый Лопухин. Артист В. К. Бух допустил чрезмерную утрировку.

Зато очень хорошо Фирс в исполнении молодого артиста Э. К. Чернова.

В заключение — об оформлении спектакля. Как всегда, художник Очерин дал прекрасные декорации, отличающиеся большой реалистичностью. Тем больше режет глаза юбилейный занавес. Аппетитный пейзаж из яркого цветного стекла слишком кричит и очень напоминает дешерево сасографию. Конфетным выгладит и напыщенный над етаким «земным расм» портрет Чехова.

К сценическим неудачам прибавилась новая. Вслед за бражским и яванским театрами, за студией Симонава попытка не толковать по-своему пьесу и театр воронежский. Судя по режиссерской статье, в свое время напечатанной в «Коммунисте», искалась середина между симонавским фарсом и МХАТовской драмой, с большим уклоном в сторону веселой комедии. Предъявлялись претензии на «собственное открытие» Чехова. Зритель же увидел серый провинциальный спектакль.

А. ЯРЦЕВ.